

Оксана Д.

ПУТЬ С ВЕТВЬЮ ОЛИВЫ

Оксана Д.
Путь с ветвью оливы

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=36624656

ISBN 9785449333391

Аннотация

Я мчусь в автобусе, полном людей. Они говорят на разных языках. Во время разговора все как один одобрительно кивают головой или радостно вскидывают руки вверх, что заставляет задуматься: а не понимают ли они друг друга и без использования слов? Может, эти люди первые, кого простил Бог за желание создать башню до неба?

Содержание

От автора	5
Загнанная	8
Забота о ближнем	30
Конец ознакомительного фрагмента.	52

Путь с ветвью оливы

Оксана Д.

© Оксана Д., 2018

ISBN 978-5-4493-3339-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

От автора

Когда ты очень долго садишься писать хоть что-нибудь, идеи успевают изжить себя и если ты не внес в основное произведение то, что у тебя было написано, а ты это потом перечитал, то все- читатель никогда не увидит этих строк.

Я от природы натура смелая и стеснительная одновременно: когда дело касается других, то я готова порвать на себе рубаху, в лучших традициях Данко вырвать себе сердце из груди и побежать впереди всей армады, однако, если что-то нужно мне, то буду долго мяться на пороге аки кот, который просится когтями в закрытую злым и противным хозяином дверь, ему ее благополучно открывают, но он продолжает стоять и не решается сделать шаг.

Стыдно и смешно.

Если кто-нибудь прочитает это кроме меня, то я буду считать, что совершила этот маленький шажок за такую страшную и опасную дверь.

Универсальная заметка:

Когда ты читаешь слишком много литературы, и она тебе нравится, а она при этом же вся такая разноплановая и манящая своими метафорами или их отсутствием, то бывает очень сложно. Ты сам пишешь что-то, но после того как написал, а после перечитал, начинаешь ощущаешь

такую горечь, ведь то, что ты написал, не более чем мешанина из стилей и обтекаемых словами форм вещей реальной жизни. И так грустно за себя, что ты не на столько талантлив, чтобы откреститься и создать свой собственный стиль; чтобы кто-то прочитал твою писанину и воскликнул «Ну, точно же, так в духе Мудацкой (цкого)!» и чтобы довольно цокая языком, закивал и заулыбался во все свои 28 с пломбами зуба.

Однако, стоит уведомить своего достопочтенного читателя, что я, несмотря на свою огромнейшую не веру в себя, все же поддалась на мольбы одного прекрасного человека и решила начать писать своим стандартным и заштампованным языком, сидя в кофейне под итальянским брендом, отнюдь не горячий сицилийский роман и не погоню одной банды мафии за другой, нет, я решила, что буду скучна и банальна – напишу историю о людях.

Желаю приятного чтения и просто побольше веры в себя (это я сейчас скорее к себе обращаюсь, а не к Вам, простите за бестактность).

Я мчусь в автобусе, полным людей. Они говорят на разных языках. Во время разговора все как один одобрительно кивают головой или радостно вскидывают руки вверх, что заставляет задуматься – а не понимают ли они друг друга и без использования слов? Может, эти люди первые, кого простил

Бог за желание создать башню до неба?

На заднем сиденье не очень удобно, но мне нравится, что я здесь могу сидеть одна, потому что, как правило, никому не нравятся места в конце автобуса из-за страшной трясушки.

За окном мелькают поля. Если долго смотреть на них, то рано или поздно захочется спать. Сейчас я сдаюсь и мои веки плавно закрываются...

Осень. Еще нет гадкой ноябрьской погоды, но уже прохладно и в домах не топят, так что все люди на улицах закутаны в шарфы и длинные пальто. Я вижу остановку, на которой столпились люди в ожидании трамвая. Я сама жду трамвай.

Автобус дергается на притаившейся кочке и подлетает вверх. Моя голова ударяется о раму окна и это заставляет переместиться мое сознание с остановки обратно в реальность. Никто не обратил на это внимание, все продолжали беседовать и смеяться, но для меня путешествие в сон в ближайшее время будет невозможным.

Теперь, когда заснуть я не смогу, мысли мои устремляются к тому, что привело меня на заднее сиденье автобуса, маршрут которого никому из едущих в нем не был известен.

Загнанная

Я пыталась на ощупь в полутьме найти дверь наружу и выбежать из душного зала до боли знакомой квартиры. В голове стучали молотки, а от перегара комнат хотелось выbleвать внутренности наружу. Кое-как, впопыхах управившись, мне удалось открыть дверь и вывалиться вместе с моим вечным спутником- огромным рюкзаком апельсинового цвета – на такой же полузатуманенный коридор, как и чертова квартира, что осталась за моей спиной.

Чтобы меня не вырвало прямо на лестничной площадке, пришлось бежать как можно скорее, перескакивая ступеньки по две-три, по четыре за раз. Рука со всей силы толкнула выглядящую непомерно тяжело дверь со всей силы, но она оказалась намного легче, чем могла показаться на первый взгляд и распахнувшись во всю свою мощь, громко ударилась о побеленную рвотным цветом краску (под стать моему состоянию) стену. Мне подумалось, что эта дверь очень похожа на людей – многие из них кажутся тяжеловесными и упертыми, ты прикладываешь невероятные силы, чтобы по большой необходимости установить с ними контакт, а на деле, после многочасовых бесед оказываются веселыми и очень искренними людьми. Эта мелочь заставила меня отвлечься от поступавшей к горлу рвоте и успеть проглотить морозного воздуха.

Я огляделась.

Улица была ничем не примечательна среди остальных улиц в городе Минск. Все отдает советским духом, снуются недовольные женщины старше 40 лет, которые добровольно, три раза в неделю возвращаются с огромными пакетами из магазина и лаются в душе на своего неудачника-мужа, который так и не стал миллионером или хотя бы полковником, чтобы спасти свою жену от такой рутины; где-то алкаш громко вопит потому, что у него не осталось денег на очередную бутылку алкоголя самой низкой пробы (тут бы скорее больше подошла бы метафора о том, что даже у дна дна есть дно); молодежь громко смеется и обсуждает свой приход на последней вечеринке.

Я огляделась. Напротив, меня был такой же серый дом, из которого я только что выбежала, а между этим и тем домом располагалась детская площадка, обильно присыпанная мокрым и противно скользким снегом. Фонарь, который должен был освещать закоулок и показывать куда идти, предательски моргал и вводил в еще большую дезориентацию тех людей, кто и так склонен к географическому кретинизму.

С детства у меня куриная слепота и я ничего не вижу в темноте, поэтому пришлось долго вглядываться в промежуток между двумя домами, чтобы выйти на огромный проспект и потеряться в толпе. Мне это было необходимо. Спустя десять минут я все также стояла и смотрела в одну точку, но все-таки у меня не оставалось выбора – мне нужно бы-

ло срочно куда-то бежать, иначе мне несдобровать, в любую минуту могла приехать машина с милицией и забрать меня в казенный дом.

Я решила и задвигала своими омертвевшими от страха и отчаяния ногами, быстрее и еще быстрее, страх накрыл меня резко, я разогналась на максимальную скорость, будто счет идет на минуты и, если я обернусь, меня сразу же убьют.

Я вышла в толпу. Разношерстные люди шли на меня, а я двигалась навстречу им в такой же толпе разношерстных людей. Во мне было очень много мыслей, которые нужно было озвучить, не открывая рта, и обсудить их с самой собой, иначе моя голова, наверное, взорвалась бы и оторвалась, даже без помощи трамвая и масла Аннушки.

Три дня назад мне позвонила моя подруга, у которой имя созвучно с именем прекрасных цветов – Роза и попросила приехать к ней и утешить, ибо ее милый в очередной раз загулял. Я могла отказаться, но мы с ней так давно знакомы, и она за это время успела не раз помочь мне с деньгами в нелегкие времена, так что во мне жила потребность вернуть долг за ее помощь.

Действовать нужно было быстро, ибо во время разговора ее голос хрипел и мне представлялось, как она с размазанной тушью, вытирает свои прекрасные розовые щечки и тербит низ юбки, которая свободно облегла ее стройные ноги, а потом вонзает себе нож прямо в живот и умирает, истекая кровью.

Никогда не могла понять, что не хватало ее кобелю: Роза была из того рода девушек, который восхищают парней просто своим нахождением рядом, но не из-за внешности (в случае Розы будет более правильным сказать, что не только из-за нее), а своей природной энергетикой, которая заставляла оборачиваться всех парней, когда она просто шла по улице и о чем-то громко, и, порой, вызывающе, говорила. Она любила играть на нервах, разбивала как минимум одну чашку в неделю по неосторожности и все время носила с собой жевательные пластинки, которые предлагала всем без исключения людям, были ли они знакомы до этого или нет.

Напялив на себя непомерное зеленое пальто, которое делало из меня очаровательную картошку, натянув одной рукой угги, а второй затыкая уши наушниками цвета апельсин под стать своему рюкзаку, я побежала из квартиры спасать бедную свою подружку.

Когда спустя час я позвонила в дверь, за ней послышался цокот маленьких каблучков и спустя пару секунд передо мной стояла Роза - в легком летнем сарафане и туфлях. Мне давно известно о ее помешательстве и попытке выглядет идеальной даже в рамках дома, так что просто улыбнулась и сказала:

– Как оно? Он козел и сейчас мы будем это запивать?

– Лил, не сразу же. У меня горе, а тебе лишь бы бутылку открыть., – надула она губки. Нужно было вытаскивать ее из этого состояния и заставить смеяться, подумала я.

Разувшись в ослепительно и режущей своей белизной прихожей, Роза впихнула мне в рот мятную пластинку, а потом повела меня в зал, который был под стать королям, но никак не маленькой девчужке двадцати двух лет. Ее родители развелись, мать уехала жить к очередному своему хахалю, а отец уехал за границу растить свой бизнес по консервации огурцов и ежемесячно высылал своей ненаглядной дочурке пару тысяч долларов и купил квартиру, будто извиняясь за то, что десять лет назад ее мать и его жена застучала его с очередной своей секретаршей за совещанием на столе.

– У тебя есть мое любимое вино? – спросила я. Раз уж пришлось в половину двенадцатого ехать из своей трущобы в ее апартаменты, то пусть хоть как-то скажет мне спасибо за мой непредвиденный эскорт. Я очень люблю вино, которое попробовала у нее на дне рождения пару лет назад, но до сих пор так и не удосужилась узнать его стоимость, потому что все равно мне не хватит денег его купить, ну, разве что, отдать всю свою и без того скромную зарплату.

– Конечно. Только выслушай меня сперва, пожалуйста, – заканючила она. Я очень любила ее и на самом деле считала Розу незаурядной в плане интеллекта личностью, но иногда своими детскими замашками она во мне убивала парочку десятков клеток, который отвечали за спокойствие и сдержанность.

Я кивнула и шлепнулась на огромный диван белого цвета, который, наверное, домработница драила каждый день. Роза

села рядом, уставилась в одну точку, стала скрещивать свои руки (верный знак, что сейчас будет часовая тирада) и заговорила:

– Ты ведь знаешь, что Дима просто ужасный бабник. Был до встречи со мной три года назад и остался таким же. Я уже триста раз говорила себе, что люди не меняются (я кивнула) и мне глупо ждать чего-то от человека, который переспал с моей сестрой в прошлом году (я опять кивнула). И на этот раз я стала замечать, что он приходит позже со своих долбаных танцев, – ее руки сжались в малюсенькие кулачки и вены на шее задергались. —Я допрашивала его, обзывала и кричала, что он опять гуляет, а он молчал, не отпирался, а просто вцеплялся своими пальцами в мои запястья и смотрел в глаза, а потом просто обнимал и я успокаивалась. Но подозрения по мне до сих пор оставались и через одного знакомого удалось установить пару камер в комнате, где мы с ним спим. Это было неделю назад и сегодня я получила карту, где есть видео с ним. И то, что я увидела, просто не дает мне спокойно реагировать на все, что происходит или происходило, – ее нижняя губа задергалась, глаза стали бегать по комнате, после чего она посмотрела на меня в самый упор. —Мне нужно показать тебе это, но обещай, что ты ничего мне не скажешь после этого, как бы тяжело тебе не было, а потом мы просто молча выпьем твое любимое вино и завтра с утра ты мне скажешь свои мысли.

Боже, как же много она говорила лишнего. Понятное де-

ло, что я посмотрю это видео и чтобы на нем не было, не сорвусь и не поеду в два ночи обратно банально из-за отсутствия денег на такси.

Пока я сидела на диване и рассматривала цветочный мотив обоев и искала хоть какие-то признаки других символов, моя подруга успела сбегать за своим ноутбуком, открыть экран, нажать два раза по тач-скрину и развернуть экраном все это дело ко мне.

На видео атлетического вида парень стоял вплотную к какой-то девушке. У нее были красивые золотистые волосы по бедро, закрученные на концах, очень полная грудь и тонкая талия, красивое зеленое платье с золотой брошью. Стоп, я видела эту брошь. Я знаю эту брошь. Эту брошь подарила я. Я подарила ее Ей. Что она делает на этом видео? Зачем Дима притягивает ее к себе и целует? Что его руки забыли у нее на груди?!!

Что, мать вашу, тут происходит?!

Подруга заметила изменения во моем лице, и быстро схватила за руки – она знала, что я могу в таком состоянии размолотить ее любимый MAC и отправить на помойку еще парочку дорогущих вещей. Я не смотрела в экран, но боковое зрение засекло, что парочка уже легла на кровать. Мне не хотелось это видеть и просто думать о том, что там может быть, хотя, конечно, я и так знала, что будет дальше.

– Ты поняла кто это? – она нарушила молчание, хотя я не могла ответить из-за ее же просьбы не говорить. Но мне

было наплевать и я сказала:

– Да, я увидела брошь. Этого позолоченного паука я нашла на блошином рынке в Тае, когда в прошлом году ездила отдыхать, а она тут работала и убиралась в нашей квартире раз в неделю, так, что к моему приезду она убралась ровно один раз. На видео сразу сложно понять кто это, когда камера съедает реальность на % так 70.

– Вы с ней сколько вместе?

– Год, три месяца и восемь дней.

– Ты так точно помнишь дату? – удивление Розы было искренним и неподдельным.

– Конечно. Сложно забыть то, как мы познакомились, – гнев потихоньку стал проходить и я усмехнулась. – Я не хочу об этом говорить. Сейчас мне хочется оторвать детородный орган твоему благоверному и убить эту сучку, которая, – я тяжело вздохнула, – запала мне год назад в голову.

Мне не хотелось больше ничего говорить, видео продолжалось, громкие стоны забрались мне в уши и впитывались в мою кровь, я закрыла глаза.

Я отвернулась от Розы, от экрана, легла и мгновенно вырубилась. Мой организм был устроен так (и это к счастью, как я уже много раз убеждалась на собственном примере), что в минуты глубочайшего стресса я засыпала сном бурого медведя в позднем ноябре каждого года.

Когда Морфей отошел на день попить чайку и поболтать с Афиной, мне в темноту закрытых глаз ударило утреннее

солнце. Роза заснула рядом, и огромное спасибо ей за то, что она меня не будила.

– Роза, я твоего Диму никогда не любила, но и не осуждала. Зачем осуждать человека, который и так знает, насколько он мудака? Лишняя трата времени. Сейчас, если бы столкнулась с ним нос к носу, убила бы его голыми руками, – я говорила тихо и растягивая слова, потому что голова напрочь отказывалась думать после крепкого и вызванного глубочайшей рефлексией сна. Она ничего не отвечала, но я знала, что она не спит и слышит меня. Слушает мой гнев, который конвертировался в тихую речь. – Я не хочу видеть ее. Можно остаться у тебя? В моем апельсине есть одежды на пару дней и один бутерброд, оставшийся со вчерашнего обеда на работе.

Я не слышала ее ответа, но почувствовала, что она кивнула еле-еле.

– Роза, ты замечательная. Если бы ты не была влюблена в этого мудака и любила девушек, то я точно бы от тебя не отстала.

Она улыбнулась. Я тоже это почувствовала спиной.

– Катя, можно мне тебя поцеловать?

Я не понимала, происходит ли все в реальности или нет, но дала свое немое согласие. Мне ничего не хотелось, но такое развитие событий для нас обоих представляет большой эстетический интерес, чем просто напиток дорожущего вина и поносить этих двух своих четвертинок.

Я проснулась лежа на спине, а она заснула в моих ногах. Ее дыхание стало ближе ко мне. Вот, ее серые глаза смотрят на мои губы. Руки расставлены, а ее стройные ноги на моих.

Она поцеловала меня. Это не был поцелуй страсти, нет, это был поцелуй больной и вымученный, но нужный нам обоим, чтобы не скатиться до простых бабьих страданий. Невинная шалость двух подружек, одна из которых лесбиянка. Стоит ли говорить, что ничего дальше не было.

Спустя час я лениво жевала кекс с изюмом (сушеные ягоды пришлось минут 20 выковыривать, потому что я их терпеть не могу), а Роза громко пила чай и рассказывала какую-то веселую чушь.

Нам было обоим очень тяжело и нужно было как-то мириться с тем положением вещей, которое установилось.

Мой телефон молчал. Телефон моей подруги тоже.

– А куда ты его выпроводила? – я только сейчас вспомнила, что не узнала, что же произошло после того, как Роза увидела видео.

– Ну, я порезала все его рубашки (мои глаза стали в два раза шире) и выкинула его сумку вместе с ними на коридор под дверью.

Я знала, что Диме эти рубашки покупала сама Роза и для меня показалось странным, что ей стало не жалко тех денег, что она на них потратила. Он этого не стоил.

– А что ты будешь делать с ней? – робко спросила подруга, указательным пальцем левой руки водя по прозрачному

блюдцу.

– Пока что не знаю. Хочу отсидеться у тебя, пока у меня выходные. Потом пойду на работу. Дальше как пойдет. – мне стало тошно, захотелось покурить, хотя я держала сигарету пару раз в жизни, да и то, когда моя уже бывшая курила и просила подержать ее воняющую палочку с никотином, пока она поправляла свои шикарные волосы или вытирала сбившуюся в уголке глаза тушь. – У тебя покурить не найдется?

– Найдется, только я думала, что ты не куришь, – хмыкнула подруга и подорвалась с места в сторону полки цвета подтаявшего пломбира. – Тебе не свойственно чрезмерно убиваться из-за кого бы то не было. По крайней мере, я, глядя на тебя, всегда так считала.

– Что ты думала? – я была в своих мыслях, которые резали меня и рвали. Докатилась до рефлексий и самокопаний, ужас. С этими женщинами доведешь себя до ручки.

– Понятно, вот сигарета, – она покивала головой и подала тонкую сигарету. Я совсем в них не разбираюсь, но, судя по всему, это была хорошего качества сигарета (вообще не понимаю, откуда я это знала, но вот решила и все). – Курить можно прям тут. Я иногда так делаю, когда выпиваю что-нибудь. А иногда просто так, когда все надоест и захочется куда-то спихнуть груз эмоциональный, – Роза достала зажигалку розового цвета и ею подожгла сигарету.

Я приложила ее к своему рту и сделала тягу. Глубокую.

С непривычки я закашляла на всю кухню, что соседи сверху вполне могли бы подумать, что в гостях у девушки снизу туберкулезница или пропитая алкоголичка. Следующая тяга пошла лучше и докурив, я вопросительно посмотрела на Розу. Она понимающе кивнула и просто кинула мне пачку – ей было лень отходить от окна, которое было напротив меня, но достаточно далеко, чтобы было лень. Я курила, она молчала, стоя у кухонного гарнитура.

Следующие два дня я ела, смотрела какие-то фильмы (обязательно что-то пустое, что говорило о моем плачевном состоянии), ела, курила и по вечерам выпивала с Розой бутылку вина или водки. Мне было плохо, душу рвало, я ненавидела весь мир вокруг себя и даже Розу. Я знала, что так нельзя, ведь она мне просто показала правду, она обо мне заботится, я живу у нее. Но, черт. Если бы не ее желание разделить ее горе по поводу ее козла, она вряд ли бы мне сообщила эту новость. Не знаю почему я так думаю, но в этом вопросе я ей не верила. Эгоистично, подло и низко было с моей стороны, но это был как раз тот момент, когда лучше сладкая ложь, чем горькая правда.

В третье утро я рано утром выбежала из квартиры, быстро чмокнув еще спящую в 9 утра Розу, и побежала на остановку, чтобы доехать до злостной и безжалостной работы.

Я работаю учителем. Кто бы мог подумать, правда? Но да, учителя и такие бывают. Они ругаются, пьют вино или водку, курят и грязно шутят. А еще могут любить человека од-

ного с ними пола. Но это только, когда рядом нет детей. Я преподаю белорусский язык и литературу, но в жизни всегда говорю на русском. Не знаю, какого черта я так делаю, потому что искренне люблю свой родной язык и считаю, что мы все должны говорить на нем, но все никак не могу начать, потому что все вокруг меня все никак не хотят начать на нем разговаривать. И, да, осознаю и каюсь, что это всего лишь отмазки.

Я успела на работу. Приехала за час, чтобы разложить вещи и протрезветь после вчерашней водки (я выпила большую часть бутылки). Стала жевать оставленные на тумбе Розой мятные пластинки. Она на них кого угодно посадит, но мне жалко тратить столько денег на какие-то штуки, которые жуешь пару минут (где-то внутри меня поаплодировал еврей).

Как же мне тяжело без нее. Без моей блондинки.

В последний раз ее видела три дня назад... Почему не звонит? Дома ли она? Мы живем вместе. Или жили? Простить ее нету никаких сил. Я никогда не думала, что увижу в ней блядь.

Спустя пару часов, когда я уже отвела пару уроков и меня от души задолбали шестиклассники со своими подростковыми недосказанностями и тайными влюбленностями, мой телефон требовательно запросил меня к себе.

Ощущение того, что это точно она у меня появилось сразу и мгновенно улетучилось, когда телефон предательски за-

молчал за пару секунд до того, как я успела ответить. Это звонила Роза.

Правда, я боялась, что она позовет меня к себе. Сегодня у меня в планах было добежать до дома, включить очередную пустышку называемую «комедийной мелодрамой» и залиться бутылкой коньяка, которая стояла на полке в нашем импровизированном баре и ждала лучшего часа. Увы, не во имя лучшего часа будет она испита. Я почему-то была уверена, что моей барышни дома точно не будет. Наверняка, она понимает, почему меня столько дней и ночей не было дома, иначе, если бы не понимала, трезвонила бы каждые полчаса и закатывала истерики со всхлипываниями и истошными криками, в которых я была бы абсолютным дерьмом, а она- паинькой.

Но стоило перезвонить моей соратнице в любовных проблемах, что я и сделала, закинув ноги на стол, откусывая яблоко, которое вчера успешно умыкнула из холодильника под потолок в прекрасной квартире. На другом конце провода гипер радостный голос почти прокричал:

– Вышла я такая за продуктами (я хмыкнула, потому что мы с ней изрядно опустошили запасы ее холодильника) и увидела под подъездом премилого рыжего кота. Как ты думаешь, мне его взять?

– Да, Роза, если ты не боишься, что твои обои поцарапают и нассут в тапки, то, конечно же, бери. Потому что, как говорится, дал Бог котейку, даст и лужайку.

– Спасибо, родная, – выпалила она и отключилась.

По-моему, ей не нужно было одобрение, чтобы взять кота. Ей просто хотелось поделиться с кем-то, что он есть.

День закончился очень быстро и мне пора было уже сваливать с надоевшей работы как можно быстрее, иначе я могу кому-нибудь вмазать. Не ребенку, нет, как вы могли такое подумать. Но ударить хочется, честно. Вот просто так, только потому, что я устала. Хотя более вероятным кажется тот расклад вещей, когда я замахиваюсь, а потом рука вместо удара прикладывается к зевающему рту и все. На этом вся моя агрессия заканчивается.

Сейчас мне нужно идти домой. Вернее, туда, что было раньше моим домом, то место, которое я считала своим домом – место, где мы с ней жили вместе.

Было лень идти. Мне было даже лень дышать. Если бы лень имела вес, то я была бы изрядной толстухой из-за нее. Хорошо, что не все наши вредные привычки (такие как например мало спать из-за (но не ради) треклятой работы) отображаются на нас не прямо, а лишь косвенно.

Выйдя на своей остановке (от школы еще нужно было ехать около сорока минут, в течении которых мой мозг находился в состоянии галлюцинации и отключки, представляя себе уютную кровать и маленького размера черную подушку), я заглянула в маленький магазинчик, чтобы купить себе кефир. Знаете, в наш XXI век удивительно среди раз-

вивающего мегаполиса в центре Европы (пусть только географического центра), где обилие новых и не очень гипермаркетов и супермаркетов перевалило за отметку в 50, найти кусочек из той страны, которую удачно развалили в декабре 1991 года краснознаменщики и их гребаная бюрократия и отсутствие продуктов на прилавках.

Несмотря на то что в этом магазине были продукты, антураж в нем остался чисто совковым: пол в ламинате, к которому прилипли жевачки еще лет 15 назад, если судить по тому цвету, которого они были (нас еще в школе заставляли во время дежурства их отдирать канцелярским ножом, и уже тогда меня посетила мысль, что детский и рабский труд могут прекрасно сочетаться, а взрослым за это еще ничего не будет); неаккуратные полки с товарами, которые выставлены чисто по-советски (мне сложно объяснить как именно, но вы, если хоть раз в жизни видели такое, точно меня поймете); и вишенкой на торте красного с серпом цвета являются продавщицы в синих передниках. О, если вы видели таких, то вам никогда не забыть такое зрелище. В движении рук, неповоротливости, жесткости взгляда и тоне, будто она королева, а вы плебей, и вы сказали ей всего лишь «добрый день, мэм», а не трехэтажное, такое привычное для японцев, и совсем непонятное для русского человека вежливое обращение и, вот, она снизошла до вас, простила вас за эту оплошность, дала вам право говорить с ней дальше, а она, так и быть, может и поможет вам, отрезав от доктор-

ской колбасы кусок граммов 350—400 (обязательно с пересом в грамм 100—150 со словами «брать будете?»).

Купив кефир и пачку пельменей, я засемила в сторону своего дома.

Около подъезда, на замерзшей лавке, сидели две бабушки, которым в этот зимний вечер не сиделось дома. Сегодня на повестке дня были новые истории, как из 107 квартиры Маринку побили, а Вася ушел от Людки из 135.

Быстро кивнув головой, я открыла дверь, приложив чип, и поспешила к лифту. Жила я на втором этаже, но сегодня не тот день, когда стоит геройствовать, подумалось мне.

Ключи завалились в дырку левого кармана, поэтому пришлось пару минут пошарить своими не такими уж и тонкими пальцами в этой самой дырке и все же найти их.

Я зашла. В квартире было темно, но на кухне горел свет. Значит, она дома. Мне не хотелось идти туда, так что скинув обувь, я направилась напрямиком в зал, который находился в другой стороне от кухни. Дойдя до зала, не стала включать свет и просто плюхнулась в верхней одежде на диван и достала из ушей наушники, которые все это время по дороге от школы до дома играли что-то из американского рока 70-ых годов прошлого века.

Хм, какой-то шум и возня на кухне. И два голоса. Два голоса. Я удивилась и одновременно напряглась – она никогда никого к себе не приводила, потому что с первого дня посчитала нужным уведомить меня о том, что у нее нету дру-

зей и ей никто не нужен кроме любимого человека. Даже родители. Вот так категорично и бескомпромиссно.

Стараясь не создавать шума, мои ноги понесли меня к закрытым дверям (очевидно, что они были закрыты, иначе бы она и еще один человек услышали звук ключа в замочной скважине, звук открывающейся двери и мои шаги).

Дверь на кухню зеркальная – со стороны прихожей видно все, что происходит в кухне, но зато изнутри вы видите только зеркало (как бы помогает меньше есть, думали мы, когда эту самую дверь заказывали в счет аренды за квартиру).

Я открыла глаза (все это время они были закрыты, а мое сердце слишком громко стучало).

Она. И рядом с ней стоял он. Черт. Этот ублюдок стоял у нас на кухне. В трусах.

Рука уверенно толкнула дверь и вот, я уже стою на пороге, а она и он.. Они даже не шелохнулись.

– И что это за херня? – я кричала, я была очень зла, во мне сто чертей взбунтовались. – Что этот хер делает у нас в квартире? Да еще и в трусах? Переживает расставание с Розой? Или тебя трахает?

– Ты и в правду такая глупая? Кристина говорила мне, что ты бываешь на удивление доверчивой и недалновидной, но я не думал, что под этим она подразумевает способность не замечать очевидных вещей и какую-то детскую наивность, – Дима ухмыльнулся и погладил рукой свой подкаченный пресс.

Она молчала. Кристина молчала и улыбалась.

Я не могла ничего сказать. Слишком много гнева внутри.

Не могла понять, зачем все это. Почему они не испугались, не стали все объяснять, а она не забилась в слезах.

– Я сплю с ним уже полгода. Все смс, которые мне приходили с работы, были от него. Для меня ты была всего лишь соседкой, которая готовила мне и оберегала от невзгод и всегда была дать мне денег на очередную ненужную вещь. За это требовалось немного – пару раз в неделю спать с тобой, – её улыбка заставила меня съёжиться.

Понятно. Только что мне с этим было делать?

Что. Мне. Делать.

– Ты такая жалкая сейчас. По тебе видно, что ты не понимаешь. Не понимаешь, что происходит.

Во мне что-то оборвалось.

Я все еще стояла на пороге. Напротив, у тумбы, что по правую руку, прямо около раковины стояла она. А он стоял напротив, у стола.

Сделала пару шагов за порог, подошла к нему и залепила пощечину. Мои слабые руки не оставили бы даже красного следа, если бы не злость, что внутри меня.

На кухне было накурено. Пахло выпивкой. Той, которую я хотела выпить одна и залить свое горе.

А незачем его заливать.

Он стоял и смотрел мне в глаза. Кристина тоже не двигалась. На их лицах уже нету той праздной улыбки, но и бес-

покойства я не чувствовала.

Внутри меня закипела ненависть.

Я увидела на столе нож, на котором остались следы плавленого сыра.

Одно мгновение и, схватив его, я развернулась к Кристине и всадила его ей в живот.

Секунды стали годами.

Я не понимала, что происходит.

Он закричал, сорвался с места к ней. Она схватилась за рану и начала скатываться по полке вниз. Не сразу, а в течении секунд десяти.

Я сделала еще один удар в сердце.

Я убегаю.

Он в шоке замешкался и мне хватило времени, чтобы выбежать из квартиры. Из до боли знакомой квартиры.

...Сейчас я иду в толпе людей. Мне хватило буквально три минуты, чтобы вспомнить все то, что произошло за эти три дня. Думала ли я, что когда-нибудь смогу убить человека, которого очень сильно люблю? Нет, никогда. За всю жизнь я не обидела намеренно ни одно живое существо. Говорят, что убийцами рождаются. Надеюсь, что я не была рождена убийцей.

Я сейчас не могу себе найти хоть малейшее оправдание своему поступку. Я даже не могу объяснить, как у меня хватило духу взять нож и проколоть им не говядину или свини-

ну с курицей, а живого человека. Любимого человека.

Загорается красный свет на пешеходном переходе на главном проспекте страны. Вдалеке слышится звук милицейской машины.

Все стоят и ждут зеленого света.

Я не жду.

Мне теперь уже некуда идти, меня ждет расправа.

Выбегаю на середину дороги с закрытыми глазами
и
жду.

Ночь. Я сижу в толпе стоящих людей, непонятно где. Я на остановке. Последнее что помнит моя голова, это то, как бегу на красный свет, в попытках скрыться скорее не от милиции, а от самой себя.

Подъезжает автобус, но никто не идёт к нему, даже не оборачивает головы, будто его и нету. На нем нету таблички с указанием места отправления и прибытия, он безымянный. Мне некуда идти, так что меньше чем за секунду я подрываюсь с места и забегаю в автобус. В нем никого. Я единственный пассажир. Сажусь на последнее сиденье, напротив меня водительское зеркало. В нем отражение симпатичного парня, который мне улыбается. Не получается выдавить из себя ответную радость, поэтому делаю вид, что не заметила.

Я поворачиваю голову вправо и смотрю в запотевшее

от теплоты окно. Автобус трогается.

Забота о ближнем

С детства я страдал от одиночества.

Слово «страдал», возможно, слишком гиперболизирует мое мироощущение и заставляет вас думать, что я один из многочисленных нытиков, которые всю жизнь кричат «меня никто не понимает. Я -Д'Артаньян, а все..»

Но на самом деле, во мне всегда было что-то такое, что заставляло людей отстраняться от меня и даже собственный отец за все детство и юность лишь два раза обнял мое пухлое тельце.

Я не знаю, почему все происходило именно так, а не иначе, но мне было очень грустно и частенько приходилось разговаривать с машинкой, которую подарила мне бабушка. Этой игрушке открывалась моя душа и я мог часами рассказывать о том, что видел сегодня в цирке или что ел на обед в школе.

Я как-то сумбурно начал свой рассказ. Меня зовут Дин. С самого детства я был один и все делал опять же один. Иногда мне разрешали выйти пройтись по улочкам совсем старого Нью-Йорка, по не всем известному району что для иностранцев, что для мира в целом, который называется Квинс и имеет три отличительные особенности:

1. Иммигрантов разных мастей в этом районе больше чем

в любом другом и лучше по ночам здесь не ходить без пистолета или крепкого с огромной силой, а желательно и кулаками дружка.

2. Именно в этом боро (так называются административные единицы в Нью-Йорке) находится Международный аэропорт имени главного красавчика-президента США Джона Кеннеди.

3. Лонг-Айленд сити – второй по известности деловой район города после небезызвестного всем Уолт-стрит, где Ди Каприо в своём, пожалуй, лучшем фильме грязно тратил деньги, добытые в результате крупных финансовых махинаций.

Моя семья жила в маленьком доме возле самого Атлантического океана, на самом северо-западе, где высокие небоскребы и обычные двухэтажные семейные дома соседствовали друг с другом.

Когда я выходил из нашего уютного дома, с аккуратно подстриженными кустами и светлыми занавесками, после спуска в пять невысоких ступенек из красного дерева, ноги несли меня поближе к океану, через вереницу домов, где можно было услышать как кто-то кричит на итальянском языке, ругается на еврейском и громким пьяным голосом поёт народную китайскую песню, где незначателю человеку могло показаться, что кто-то жестко ругается на русском.

Я шёл, шаркая ступнями по разваливающемуся от времени асфальту, который положили ещё во времена сухого за-

кона, левой рукой сжимал блокнот, а правой пытался дотянуться до листьев высоких деревьев, кроны которых тянулись ввысь и ветки будто пытались дотронуться до голубой бездны неба, проткнуть их и дать вытечь содержимому этой необъятной выси.

Блокнот я носил с собой с тех пор, как научился писать и читать. Это было связано с тем, что я описывал выше: со мной никто не дружил. Но мне очень хотелось с кем-то общаться. Стоит ли говорить о том, что все мои попытки установить с кем-то контакт заканчивались полным фиаско. С каждым разом мне становилось все труднее находить в себе силы начинать общение и отвечать на встречные вопросы и я загнал себя в никому непонятные рамки, когда избегать людей стало нормой.

Но так не могло продолжаться вечно и пришлось искать выход из той ситуации, которую создала моя природная отталкивающая людей сущность и стеснение.

Однажды я ехал в метро с папой и вдруг понял, что уже пять минут подслушиваю разговор девушки с ее лучшей подругой, где она подробно рассказывает о своих любовных похождениях и произносит своими накрашенными в ярко алый цвет губами «он гей или я не могу объяснить, почему Стефан не обратил внимание на мою грудь, когда я будто бы случайно уронила салфетку со стола». Когда я вернулся домой, то пошёл записывать этот разговор – сам не знаю зачем. Наверное, мне хотелось проанализировать его и научиться

отвечать так, как это бы могло понравиться тем людям, с которыми я пытался установить контакт.

Со временем это вошло в привычку и со мной всегда был блокнот, в котором я неаккуратным кривоватым почерком помечал самые интересные места в беседе двух людей и предположительные ответы, которые бы могли бы считаться удовлетворительными. Знакомый психолог отца одобрил мое увлечение, так что в семье никто не удивлялся ежемесячным тратам на бумагу и ручки.

Мне особенно нравилось слушать разговоры иностранцев, а в особенности приезжих, что пытались закрепиться здесь, в Нью-Йорке. Их речь всегда отличалась скомканностью, отрывистостью и путаницей в словах, что, конечно же, объяснялось их плохим знанием языка и полным отсутствием знанием о городе и его горожанах. Моя мама не была американкой, а приехала из Южной Европы, из маленькой и очень бедной Албании, очень любила свою Родину и с младенчества разговаривала со мной на своих родных языках, поэтому я знал греческий и частично один из двух диалектов албанского языка и всегда радовался, когда мог подслушать разговор своих соотечественников.

Со временем число моих блокнотов перевалило за отметку в 10, потом в 30, а к моим 14 годам достигло отметки в 50.

Я рос и проблемы с общением стали уходить, потому что с приходом подросткового возраста мое тело стало меняться и из меня получился достаточно красивый парень по меркам

девчонок из моего класса, да и из параллельного тоже, к чему лукавить.

Время, когда я делился самым сокровенным с машинкой прошло, но привычка носить и записывать все разговоры в блокнот осталась.

Когда я закончил школу, достаточно хорошо для того, чтобы поступить в университет, своей специальностью я выбрал дифференциальную психологию, которая занимается изучением особенностей различных этнических и в целом социальных групп, где мои многолетние записи оказались очень полезными и позволили забыть о трудностях в подготовке отчетных проектов за каждый курс.

На моем факультете училась Элизабет – моя девушка. Мы встречались с ней уже три года (а я был уже на 4 курсе) и в наших отношениях не было недопониманий и ссор, потому что мы были очень похожи и имели почти идентичные взгляды на жизнь и отношение к окружающим нам людям: предпочитали не вмешиваться в жизнь других и сторонились тех, кто пытается сунуть нос в наши.

В один зимний день, когда крышу моего дома и всех близстоящих замело крупными хлопьями снега, она тихо зашла в мою комнату пока я спал. Было утро, семь на крупных круглых часах белого цвета, и дверь ей открыла моя мама, которая приложила палец к губам и кивнула головой в сторону лестницы, что давало понять, что я ещё сплю и нужно

быть тише, но подняться ко мне безусловно можно.

Ее руки коснулись моей руки и я подхватился от резкости этого прикосновения, вырвался из сна, в котором мне хотелось остаться.

Улыбка на ее лице сияла и одновременно как бы просила прощения за такой внезапный визит.

– Дин, меня взяли волонтером в Руанду, представляешь?! Я так рада! А ты рад?

Мог ли я ответить однозначно? Конечно, нет.

Мне было известно о её намерении уехать по волонтерской программе ещё в самом начале нашего знакомства, через месяц после того, когда мы столкнулись как это бывает в молодежных романтических комедиях в длинном коридоре университета и у неё из рук выпала тетрадка, а я поднял её с мраморного пола и наши глаза -руки встретились. Это была любовь с первого взгляда.

На мой вопрос о том, с чем связано ее такое огромное желание уехать помогать темнокожим нищим в самом сердце Африки я услышал примерно такой ответ (далее я постараюсь передать вам дословно то, что она мне тогда ответила, но не судите строго, если где-то мои слова окажутся не совсем точными).

«Знаешь, я была не из тех тепличных детей, которых лелеют их родители, которые живут ради новой приставки, которые точно знают, что их завтра с утра будут кормить хлопьями с молоком и в школу дадут сэндвич.

Все потому, что мой папа был фотографом и нам часто приходилось с семьей перебираться из одной страны в другую, потому что фотографии были великолепны и в каждой стране находился журнал, который был готов дать много или очень много денег хотя бы за один снимок.

И когда мне исполнилось 14, мы переехали в США, сюда, в Нью-Йорк. Мой папа решил наконец-то остановиться и устроить нам с мамой спокойную жизнь, за что мы ему были крайне благодарны, потому что бесконечные переезды очень сильно выматывают.

Отец часто выезжал за границу и привозил целое море материала, где прекрасные азиатки (очень похожие на нас с мамой) стояли на пешеходных переходах и стыдливо опускали глаза, будто боясь объектива фотоаппарата; где полуобнаженные бразильянки вскидывали руки вверх, а их бёдра все как одно будто бы двигались в такт музыки, которая начинала звучать в ушах при взгляде на эту казалось бы статичную фотографию.

И вот однажды, точно помню, что это была осень, и листья так сильно били в мое окно, что пришлось встать в 5 утра в воскресный день, чтобы заткнуть свои уши бирушами и попытаться продолжить смотреть свой сон, где я иду на свидание с самым красивым мальчиком школы, в мою комнату без стука залетел мой отец, который только что вернулся из очередной поездки в Африку.

Его лицо было возбужденно, на ровном лбу выступили

капли пота, а глаза блестели словно Полярная звезда – я никогда не видела его таким.

– Элизабет, у меня получилась фотография всей моей жизни!

И тут же всунул мне фото огромного размера (формата А4), где на меня смотрели глаза двух чернокожих девочек. Девочки были разного возраста: одной на вид было не больше 6, ее детское личико было очень худым, кучерявые волосы обрамляли впалые щеки, но при этом ее небесного цвета глаза заставляли забыть обо всем на свете; второй было лет 15 и ее грудь была покрыта потрепанной повязкой красно-коричневого цвета, и во внешности не было ничего необычного.

Но не это мне запомнилось. Этот снимок от миллиона других похожих снимков голодающих в Африке отличало то, что эти две девочки не хотели покоряться своей судьбе, не хотели голодать и не хотели, чтобы их горе фотографировали. Глубинная злость и несогласие с тем положением вещей, где они бедные африканские дети – вот что было в этом снимке особенного. Я никогда такого не видела и больше вряд ли увижу. Мой отец был прав – эта фотография является лучшей в его карьере.

И с тех пор у меня к живущим в нищете людям Африки особое отношение. Они нуждаются во мне и я должна им помочь. Вот тогда я и решила, что хочу поехать по волонтерской программе и помогать им всем, чем смогу.»

– Я рад, я безумно за тебя рад, – мои губы автоматически зашевелились вопреки тому несогласию, что сидело во мне ещё с того времени, когда она мне рассказала эту историю. Все потому, что я любил её и желал ей только счастья, а если для неё счастье в том, чтобы улететь на год в Африку и помогать обездоленным, то почему нет. Я готов был ждать этот год, так что слова, которые на автомате вылетели из моего рта, вдруг стали правдой.

Она обняла меня и поцеловала.

Весной я погрузился в учебу, потому что она уехала в конце февраля спустя две недели после того, как сообщила мне эту радостную для неё новость, а мне нужно было как-то забивать свою тоску по ней и навалившуюся на бесспорно крепкое сердце одиночество.

Когда Элизабет прощалась со мной в аэропорту, единственной ее просьбой было мой полный отказ от записывания случайных разговоров в блокнот. И я пообещал ей, что все обязательно выполню ее волю. А она в свою очередь сказала, что не будет причинять вред своему здоровью и каждую неделю будет мне отправлять письмо, в котором будет описывать каждый свой день по часам.

И вот она улетела, и я взялся за ее просьбу с энтузиазмом, потому что так мне казалось, что тогда я в ответных письмах имел полное право писать, что следую наказанию и по-преж-

нему сильно люблю. Так мне удалось убедить себя в том, что когда я прикладываю столько сил, она рядом.

Я перестал носить с собой блокнот и стал слушать аудиокниги, которые не уважала моя мама, но которые мне нравились куда больше чем любая музыка (уж так сложилось, что я не меломан).

Был апрель и мне пришлось ехать в университет на пару по психоанализу, а я терпеть не мог Фрейда с его болтовнёй о том, что все определяет наше бессознательное и в глубине души мы животные, его сексистские взгляды и умозрения, так что настроение было никудышное и мой выбор для прослушивания книгу «Одна как стебель сельдерея» итальянской писательницы Лучаны Литтиццетто, в которой она душевно и с иронией рассказывает о взаимоотношениях и каких-то бытовых вещах.

С закрытыми глазами меня клонило в сон, потому что вагон метро убаюкивал, и голова склонилась и стала двигаться в такт движению транспорта.

Я силой заставил разомкнуть глаза и слушать дальше, но никак не выходило сосредоточиться, так что пришлось достать наушники. Мне хотелось посидеть немного в тишине (относительно понятие в битком набитом вагоне).

Но мне не суждено было отдохнуть, как и попасть на пару в этот день – мои планы на сегодня резко изменились и все из-за того, что обсуждала парочка справа от меня.

– Тонни, ты не должен говорить о человеке такие вещи, когда знаешь его только из рассказов твоих друзей.

– Саша, я понимаю твоё стремление оправдать все и всех на этом свете – это всего лишь признак врожденной и весьма глупой доброты – но ты же не будешь отрицать то, что говорила эта Элизабет с психологического факультета не является нормальным и может, нет, просто обязано быть наказуемым.

– Она была пьяна. Вспомни, что говорил Пауль: это была вечеринка посвящённая дню рождения Карлоса. Все были пьяными вдрызг и решили поиграть в правда-действие. Так что я бы не относилась к этим пересказам серьезно, потому что мало ли что может сказать пьяный человек, – хмыкнула девушка с чёрными прямыми волосами и уставилась в экран своего телефона.

– Саша! – всплеснул руками смуглый парень лет 20, с острыми скулами и пухлыми губами, которые дрожали на тот момент от возмущения. – Это ненормально! Если бы её парень Дин узнал, что она сказала, вряд ли бы его это обрадовало.

Тут же сердце ушло в пятки после того, как его рот произнес мое имя, произнёс как-то протяжено и с надрывом, как может сказать только очень злой человек. На моем факультете не было пары с такими же имена как у нас и этот разговор точно касался нас. Да, разговор мог быть о паре с другого университета, но сердце так отчетливо екнуло, что

я сразу понял, что имею к этому отношение. Даже если я был неправ, внутри меня все сжалось и забило, голова стала болеть и виски зажало в железные тиски.

– А что она такого сказала, напомни? Просто я что-то потеряла суть нашего разговора, – не отрывая головы от экрана смартфона, спросила девушка.

И ответ красивого метиса поразил меня.

Руки затряслись, из глаз покатилась слеза, соленая, горячая, будто прямой доставкой прибыла из печи, сердце стало жечь грудь и все тело покрылось мурашками.

Я не хотел слышать его, но продолжал в окаменении сидеть и слушать эти острые как лезвие бритвы, что наточили минутой ранее слова. Больно, мне было очень больно.

Когда спустя пять минут после того, как парочка замолчала и продолжила свой путь, уткнувшись каждый в свой телефон, я вышел из вагона, а моя левая рука полезла в карман за телефоном.

Стоя посреди платформы, в самом центре Нью-Йорка, когда локтями меня толкали невежды и люди в спешке, я искал билет в столицу Руанды – Кигали.

Я вернулся обратно домой, чтобы взять необходимые вещи для столь далекой поездки, деньги, которые откладывал на покупку нового компьютера, и книгу, чтобы чем-то занять свою голову во время перелета.

На это у меня ушло полчаса и я мчался в аэропорт, чтобы успеть на самолёт, который отлетал в 11:05 утра. Прямого рейса не было, поэтому впереди меня ждал перелёт в 12 часов через Атлантический океан в Катар, откуда я должен был совершить пересадку на самолёт в Найроби – столицу Кении, а после снова на самолете в сердце одной из самых бедных стран мира Бурунди – Бужумбура, откуда за полчаса мне предстояло совершить последний рывок и оказаться в Кигали, где и должна была быть моя девушка, которую я так боялся увидеть.

Усевшись поближе к окну, несмотря на то, что билет был куплен на место рядом, я достал свою электронную книгу и стал читать о той стране, куда летел.

Сначала мне это не удавалось, потому что как только мои глаза опускались на первую страницу, в голове тут же возникали мысли о том, что будет дальше, что делать вообще и есть ли где-то выход.

Но это съедало меня, и т.к. в глубине себя я был очень рациональным человеком, то у меня было четкое понимание того, что нельзя себе вот так вот портить нервную систему. Лучше сейчас отвлечься и почитать что-то о стране, о которой я слышал всего лишь пару раз за свою жизнь и то в новостях, которые были поставлены на фон дабы заполнить пустоту в доме.

«Республика Руанда – центральная страна Африки, которая из-за своего особенного ландшафта получила название

во французском и руандском языке „Земля тысячи холмов“. Более 60% населения живет за чертой бедности, что не мешает выстраивать новые офисы в столице этой африканской страны – Кигали.»

Я моргнул и осмотрел сидение впереди себя: шея очень, судя по всему, крупного мужчины обнимала изголовье кресла самолета, он шумно дышал и что-то поправлял в районе своей майки. Слева от меня сидела преклонного возраста бабушка, которая без всяких обвиняков разрешила мне сесть у окна, потому что, по ее словам, ее укачивало при полете, если она сидела возле окна. В её ушах были крупные серьги, которые блестели и при попадании на них солнца слепили и заставляли быстро закрывать глаза от этой яркости.

Дальше мне удалось узнать из книги, которая рассказывала о всех африканских государствах после распада колониальной системы во второй половине XX века, что маленькую страну настиг кризис, масштаб которого сравним с бесчинствами, которые творили японцы с американцами (а часто и наоборот) и Гитлер с ненавистными ему евреями – геноцид одним народом другого. Так, временное правительство, состоящее преимущественно из представителей племени хуту в 1994 году устроили геноцид племени тутси, которых за 100 дней погибло по различным данным от 500 до 1000 тысяч человек. Этот показатель превышает скорость уничтожения какого-либо народа за всю историю человечества и является одним из самых страшных приме-

ров геноцида. После свержения власти и того, как все виновники были наказаны, преследования хуту продолжалось, хотя многочисленные из них не поддерживали режим и сами пострадали от него. Это привело к новым проблемам, которые не решены вплоть до сегодняшнего дня.

Это повергло меня в шок – как же много потрясений в последние дни. Я так много не знал о мире, в котором живу. Не знал, что такие ужасы происходят совсем рядом с нами, на этой планете, что покрыта водами и сушей, что так прекрасна и из-за нас же самих находится в такой опасности. Вывод один – вымирание человечества и гибель всего живого буквально будет на наших руках. Мы уже по локти в крови невинных людей и животных.

До конца полёта я прочитал всю книгу, и, остальную часть пути, включая пересадки, спал в самолете, в аэропортах, в которых мне приходилось ждать следующий самолет. Мне нужно было выспаться, мне нужно было набраться сил, чтобы встретиться лицом к лицу со своей любимой.

Когда пилот сообщил в рупор «Совершается посадка в международный аэропорт Кигали, пристегните ремни и выключите все электронные приборы», женщина с крупными сережками растолкала меня – она как и я летела в центр Африки и по счастливой случайности сидела рядом на финишной прямо. Не могу понять, что может понадобиться человеку в такой забытой Богом стране как Руанда. Мне кажется, что для таких вещей должна быть какая-то

мощная мотивация: стремление помочь обездоленным, путешествие, какой-то уникальный репортаж, желание задать своей девушке всего лишь два вопроса..

Но мне повезло и меня разбудили ее довольно мощные руки.

– Милок, так всю жизнь проспайшь, – весело сказала она.

Я в ответ кивнул ей. Но этой фразой она не ограничилась и продолжила говорить:

– Я вот в твои годы всякие дела делала, даже очень незаконные, – подмигнула мне женщина и продолжила. – На сон времени не было, да и не хотелось спать. Это сейчас я большую часть суток сплю. Могу себе позволить, милочка (я покривился, когда она второй раз меня так назвала, но смолчал). В Кигали у меня открыта сеть этнических лавок народа тутси, так что если захочешь что-нибудь себе прикупить, то обязательно заходи в лавку рядом с фонтаном в форме большой груши, который в самом центре города – я там всегда бываю и по возможности сама все продаю. Сделаю тебе скидку хорошую, – опять подмигнула мне она и я как-то странно заулыбался. Что-то в ней было такое, очень простое и родное, что я даже простил ей то, как она назвала меня дважды пару минут назад, и перестал искать какие-то скрытые мотивы ее полета именно сюда, и пообещал самому себе обязательно зайти, если все пройдет удачно.

Распрощавшись с ней в зале прибытия, я уставился в карту которую взял с собой, чтобы определиться с тем, куда мне

двигаться дальше.

О местоположении своей девушки я знал только из писем, и то, только из описаний.

Судя по ее словам, сперва она прилетела в Кигали, прошла недельный обучающий курс для волонтеров, где жила во вполне приемлемых условиях в гостинице и ела качественную еду. После, из числа тех, кто решил продолжить свой путь (да, были и те, кто отказались от дальнейшего участия в этой аванюре: все из-за огромного риска принести вред своему здоровью и жизни в целом – местные иногда не жаловали даже волонтеров и могли вступить с ними в стычки) создали группу и отправили на остров Идживи, который является самым крупным островом, находящимся внутри озера (это все мне описывала Элизабет). Там их главной задачей было взять под шефство определенного ребёнка и ухаживать за ним на протяжении всего волонтерства, играть и учить английскому.

Мне нужно было двигаться в сторону автобусной остановки, с которой шли автобусы до этого озера, а там на лодке добраться до острова.

Я насунул кепку пониже, потому что африканское солнце палило что есть мочи, огляделся по сторонам на выходе из аэропорта: вокруг сновали таксисты, ходили руандки, одетые по последней европейской моде и растерянные туристы бежали вслед за их гидом, что спешил и совсем не обращал на них внимания. Я пошёл в сторону автобуса, на ко-

тором на английском языке, большими красными буквами было выведено – Кигали – о. Киви

За окнами были пальмы, много зелени, мы ехали по склонам и моему взору открывалась красота этой местности. Все ярко-зеленое, краски будто с картинки, что нарисовали неразбавленный гуашью, все вырви-глаз, все притягивало к себе внимание своей пестротой. В Нью-Йорке и в помине не было такого буйства красок, так что мне пришлось закрыть глаза на пару секунд и открыть их снова, чтобы уловить каждый оттенок, каждую деталь этого прекрасного мира за окном, в котором не было стекла.

Мои мысли улетели куда-то очень далеко. Я представил, что бегу по этим бескрайним полям и трогаю руками листья деревьев, падаю в траву и смотрю вверх, где только бескрайнее чистое, будто постиранное с отбеливателем голубое небо. Как руки гладят зелень вокруг меня, спине неудобно, но это не мешает хотеть дальше лежать, как над головой летит маленькая птичка киви, как где-то вдалеке кричит дикий зверь. Как приятно было уйти в такие мечты, хотя визуальное моим глазам было также приятно смотреть на реальность, как и видеть сны.

Через полчаса автобус треснуло, я по привычке подскокил, т. к. сидел посредине автобуса, и транспорт резко замер на месте.

Мы прибыли к мечту назначению.

Пару человек, которые ехали со мной приехали как вольные путешественники. Они выглядели самоуверенно, но было понятно, что это было напускное, лишь бы не показаться глупыми и растерянными в незнакомой местности.

Я вышел последним, дождался, пока автобус развернется и уедет в ту сторону, с которой мы появились, и пошел, аккуратно ступая на землю рядом с озером.

Оно было неземной красоты. Мне кажется, что я использую слишком много слов восторга, но по-другому увиденное не могу описать, потому что в тот момент мое сердце разрывалось от такой красоты, от ее такого огромного количества и это имело на меня колоссальное влияние в последствии. Я и сейчас люблю побродить в глубине парков родного города, укутаться в их красоты, которые пусть и не похожи на то великолепие, которое пришлось мне встретить в Африке, но которые дают мне уверенность в завтрашнем дне и настраивают на хороший лад и позволяют хоть как-то сносно существовать дальше.

Озеро было чистым, зеркальным, глубоким и безумно красивым. Я невольно раскрыл рот от удивления и восхищения, поспешно его закрыл и зашерстил глазами в поисках переправы на другой берег, где меня ждал остров и неминуемая встреча с прекрасной девушкой, которую я так боялся увидеть.

Как же билось мое сердце, когда лодочник переправил

меня на остров, который бесспорно был огромным и внушал чувство того, что ты безумно маленький и беззащитный на этой огромной планете.

Я спросил, где можно найти волонтеров-американцев у мужчины средних лет, чьё тело было худым и почти безжизненным и существовало только за счёт алкоголя, бутылка которого была в сумке, что висела на левом плече – мне показалось логичным поинтересоваться о их местонахождении именно у этого человека, потому что, очевидно, что без него они не могли оказаться на другом берегу (он был единственным шансом оказаться там).

Мужчина плохо говорил на английском и я понял его лишь с помощью жестов:

– Они.... Там.... – работяга замахал руками в правую от лодки сторону, стал тыкать пальцами куда-то в небо и сразу я не понял к чему он это делает.

Но приглядевшись я понял, что он пытается показать мне дым, которые по-видимому валил от костра.

В благодарность я оставил ему пару долларов и, когда по прибытии к берегу, ступил на землю, меня слегка пошатнуло.

Мне оставалось пройти 1 км и я встречу с ней.

Мое сердце все так же громко стучало, но к этому ещё добавилась головная боль, которая стала проникать в каждую клеточку моего организма, который к этому времени успел изрядно устать, несмотря на долгие и крепкие часы сна в до-

роге.

Она шла в белых шортах, что меня очень удивило – зачем волонтерам белая одежда, когда все вокруг располагало к тому, что вырядиться в самое сочное, что есть гардеробе? Не думаю, что на это было вето, но Элизабет шла в белых шортах, под тон кожи телесной с загаром майке и улыбалась маленькому негриту, которого вела за руку.

Я хотел окликнуть ее, но слова застряли в груди. Усилием воли, достав их оттуда, я крикнул:

– Элизабет!

Она застала на месте, улыбка сползла с её лица, она отпустила руку мальчика.

Мы стояли неподвижно друг против друга, посередине деревни, в которой люди ходили либо очень медленно, либо очень быстро, где костёр горел прямо посередине всех домов, а белые лица перемешались с темными.

Она первая очнулась и побежала ко мне. В ее глазах появились слезы, одна капля успела скатиться по ее лицу и упасть на песок и тут же раствориться в нем.

Подбежав, она потянулась, чтобы обнять меня, но я инстинктивно отстранился.

Она застыла с поднятыми руками, сделав маленький шаг назад, опустила их и спросила:

– Дин, что ты здесь делаешь? Разве у тебя не было важной

лекции по Фрейдю, которую ты, судя по всему, пропустил? Впрочем, неважно. Я безумно рада тебя видеть!! Ты такой красивый!

Если до этого момента я боялся встречи с ней, то сейчас все тело сковала бешеная ярость.

– Элизабет, мне нужно задать тебе два вопроса. Мы можем отойти подальше от твоих друзей и вообще из этой деревни обратно к берегу? – с большим трудом произнесли мои губы. Когда я злился, то начинал заикаться и не мог говорить четко и быстро.

Я развернулся и зашагал так уверенно, как только мог. Мое тело было напряжено.

Она шла сзади мягкими рывками, опустив голову и сжав руки в кулаки.

Мы дошли до берега.

Я развернулся, она остановилась.

– Элизабет, я хотел спросить тебя. Только отвечай быстро и постарайся быть честной, – прошептал я. Мне хотелось говорить это со злостью, с гневом, но почему-то не получилось. – Элизабет, – сказал уже более уверенно я, – ты ненавидишь темнокожих?

Ее зрачки расширились, губы задрожали.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.